

Institute of Philosophy
Russian Academy of Sciences

SELF-WILLING PHILOSOPHY

A collection of philosophical essays

ESSAYING TO BE

LRC Publishing House
Moscow
2019

Институт философии РАН

Своеволие философии

собрание философских эссе

Издательский Дом ЯСК

Москва

2019

УДК 1/14
ББК 87
С 25

Составитель и ответственный редактор
О.П. Зубец

Рецензенты
д-р филос. наук А.Г. Гаджикурбанов
канд. филос. наук А.М. Гагинский

Фотохудожник
Д.И. Нестеровская

Дизайн-проект и верстка
А. Дали

Справочные материалы подготовлены
М.А. Корзо, О.П. Зубец и О.В. Артемьевой

С 25 Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв.
ред. О.П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 500 с.

ISBN 978-5-907117-54-9

Эта книга замыслена как подарок тому, кто любит философию в ее своеволии, кто любит читать философские тексты. Она определена как собрание философских эссе при том, что принадлежность к эссе не может быть задана формально: достаточно того, что произведения, включенные в нее, были названы эссе своими авторами или читателями. Когда философ называет свой текст эссе, он утверждает свое право на своевольную мысль, а читатель, читающий текст как эссе, обретает право на своевольное прочтение.

В книге соседствуют публиковавшиеся ранее и специально для нее написанные или впервые издаваемые на русском языке произведения; она включает в себя эссе об эссе, не претендующую на полноту антологию философских эссе и произведения современных философов, предоставленные для нее самими авторами.

УДК 1/14
ББК 87

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-907117-54-9

9 785907 117549 >

© Авторы, 2019
© Зубец О.П., составление, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

Thus, reader, myself am the matter of my book: there's no reason thou shouldst employ thy leisure about so frivolous and vain a subject. Therefore farewell.

Michel de Montaigne

This book is seen as a present for the one who loves philosophy in its willfulness, who is fond of reading philosophical texts. Its title defines it as a collection of philosophical essays though there are no formal criteria of an essay so that it is quite enough if the author or a reader considers some writing to be an essay. By doing this the philosopher confirms their right to the self-willed thinking, and the reader gets the right to the self-willed reading.

The book includes the works having been published, the works written especially for it and the works which have never been published in Russian before; the essays about essay-writing, an anthology of philosophical essays not claiming to any completeness and the works of contemporary thinkers written or chosen for it by their authors.

Человечество так редко рождает хорошую книгу, в которой смело и свободно поется боевая песнь истины, песнь философского героизма; и все же часто зависит от самых жалких случайностей — от внезапных затмений голов, от ленивых к письму пальцев, от червей и дождливой погоды — будет ли она жить столетием дольше или станет прахом и тленом.

Философу свойственно одиноко прокладывать путь. Его дарование — в высшей степени редкое, в известном смысле неестественное; поэтому оно враждебно ко всем другим, даже подобным ему дарованиям и исключает их. Стена его самодовления должна быть воздвигнута из алмаза, чтобы не быть разбитой, разрушенной, так как все против него.

Фридрих Ницше. Философия в трагическую эпоху Греции

Содержание

О философском эссе и этой книге (Ольга Зубец).....	11
I. О ФИЛОСОФСКОМ ЭССЕ	29
<i>Платон</i> . Письмо VII (пер. С.П. Кондратьева).....	30
<i>Мишель Монтень</i> . О праздности (пер. А.С. Бобовича).....	34
<i>Дэвид Юм</i> . О написании эссе (пер. О.В. Артемьевой).....	36
<i>Сэмюэль Джонсон</i> . Предмет эссе часто подсказывает случай. Случай также преобладает в других делах. (пер. Е.П. Зыковой).....	41
<i>Георг Лукач</i> . О сущности и форме эссе: письмо Лео Попперу (пер. С.Н. Земляного).....	45
<i>Теодор Адорно</i> Эссе как форма (пер. О.В. Кильдюшова и И.А. Михайлова).....	65
II. СОВРЕМЕННОКИ ИЗ ПРОШЛОГО	87
Мишель Монтень	
Портретное эссе — <i>Юлия Синеокая</i>	89
О том, что философствовать — это значит учиться умирать (пер. А.С. Бобовича).....	90
Фрэнсис Бэкон	
Портретное эссе — <i>Даниил Аронсон</i>	111
О смерти (пер. З.Е. Александровой).....	112
О высокой должности (пер. З.Е. Александровой).....	114
О мнимой мудрости (пер. Е.С. Лагутина).....	117
Дэвид Юм	
Портретное эссе — <i>Роджер Смит</i>	121
О моральных предрассудках (пер. О.В. Артемьевой).....	122
О наглости и скромности (пер. О.В. Артемьевой).....	127
Сэмюэль Джонсон	
Портретное эссе — <i>Екатерина Зыкова</i>	133
Самоограничение необходимо (№ 52.) (пер. Е.П. Зыковой).....	134
О характере Софрона (№ 57.) (пер. Е.П. Зыковой).....	136
Что же вы сделали? (№ 88.) (пер. Е.П. Зыковой).....	139
Иммануил Кант	
Портретное эссе — <i>Нина Дмитриева, Юрген Штольценберг</i>	143
Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? (пер. Ц.Г. Арзаканяна).....	144
Георг Вильгельм Фридрих Гегель	
Портретное эссе — <i>Марина Быкова</i>	153
Кто мыслит абстрактно? (пер. Э.В. Ильенкова).....	154

<i>Эвальд Ильенков</i> : Так кто же мыслит абстрактно? Необразованный человек, а вовсе не просвещенный.....	158
Фридрих Ницше	
Портретное эссе — <i>Юлия Синеокая</i>	165
Об истине и лжи во вненравственном смысле (пер. Л. Завалишиной).....	166
Гомеровское состязание (пер. О. Химона).....	177
Философия в трагическую эпоху Греции (пер. Л. Завалишиной).....	184
Лев Толстой	
Портретное эссе — <i>Владимир Бибихин</i>	197
Патриотизм и правительство.....	198
Лев Шестов	
Портретное эссе — <i>Алексей Бабанов</i>	217
Бескорыстие и диалектика.....	218
Загадки жизни.....	220
Хосе Ортега-и-Гассет	
Портретное эссе — <i>Сабир Магдеев</i>	225
Эссе на эстетические темы в форме предисловия.....	226
III. СОВРЕМЕННОКИ ИЗ НАСТОЯЩЕГО	235
Наталья Автономова	
Портретное эссе — <i>Наталья Автономова</i>	237
Гаспаров и перевод: от Аристотеля к Деррида.....	238
Владимир Бибихин	
Портретное эссе — <i>Михаил Богатов</i>	255
Ложь как лицо правды	256
Абдусалам Гусейнов	
Портретное эссе — <i>Карен Свасьян</i>	265
Евангелие от Толстого (о трактате «Закон насилия и закон любви»).....	266
Александр Доброхотов	
Портретное эссе — <i>Арсений Хитров</i>	283
Лев Толстой и зазеркалье революции.....	284
Славой Жижек	
Портретное эссе — <i>Борис Подорога</i>	301
Вариации избытка (пер. Б.В. Подороги, П. Хановой).....	302
Вадим Межуев	
Портретное эссе — <i>Ольга Здравомыслова</i>	323
Философия в пространстве культуры.....	324
Неля Мотрошилова	
Портретное эссе — <i>Марина Быкова</i>	337
Джордано Бруно перед судом инквизиции.....	338

Аркадий Неделъ	
Портретное эссе — <i>Ирина Врубель-Голубкина</i>	361
Пленники данного.....	362
Елена Петровская	
Портретное эссе — <i>Олег Аронсон</i>	385
Своеволие знака.....	386
Валерий Подорога	
Портретное эссе — <i>Валерий Подорога</i>	395
Время чтения.....	396
Карен Свасьян	
Портретное эссе — <i>Абдурахман Григорьев</i>	405
Безутешность философии.....	406
Андрей Серёгин	
Портретное эссе — <i>Надежда Волкова</i>	419
Об аксиологическом атеизме.....	420
Юлия Синеокая	
Портретное эссе — <i>Марина Быкова</i>	435
«6000 футов по ту сторону человека и времени».....	436
Андрей Смирнов	
Портретное эссе — <i>Владимир Конев</i>	453
Простецкое рассуждение о свернутости и развернутости.....	454
Эрих Соловьев	
Портретное эссе — <i>Лора Рыскельдиева</i>	479
«Благослови свой синий оком...».....	480
Создатели книги	494
Источники, использованные при написании предисловия и библиографических описаний	496
Портреты: источники	498

К читателю

Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предуведомляет тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги — доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне. Если бы я писал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принарядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совмести-мо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и по сей час еще наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги — я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному. Прощай же!

Монтень

Первого марта тысяча пятьсот восьмидесятого года

О философском эссе и этой книге

Эта книга задумана и создана как подарок, как подарок философу Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову к его 80-летию в марте 2019 года. Он любит читать и умеет делать это так, что прочитанный им текст становится мыслительно более плотным, порой даже более мыслительно плотным, чем он рождался в сознании собственного автора. Но эта книга — ещё и подарок по своей сути, тому, кто любит читать философские произведения и общаться с философами, что в наше время большая роскошь и выражение бесстрашия интеллектуального вкуса. Наверное, потребность античного юноши беседовать с Сократом на городской площади, или на пыльной жаркой греческой дороге, или на пиру, или в тюрьме кажется неизмеримо более сильной и укорененной во всем укладе жизни, растворенной в самом воздухе древних Афин, естественной и неустрашимой, даже повседневной, как бы содержание этих бесед ни разрушало эту повседневность. Нынешняя потребность в чтении философского текста кажется чем-то откровенно противостоящим и стилю жизни, и энергичным усилиям насыщения ее научным знанием и твердыми эффективными основаниями любой природы, и жажде самоутверждения. И все же и в пропитанном философствованием античном полисе, и в современном мире, отодвинувшем философию в неосвоенный городской жизнью пустырь, сама философия остается равной себе в своем исключительном своеволии и в своей самодостаточности. Она почти брезгливо стряхивает с себя инструментальные и познавательные задачи, оставляя себе мышление как высшее и самоценное человеческое занятие. Именно в качестве самодостаточной мыслительной деятельности философия не страшится своей бесплодности, если понимать под плодами омертвление в форме отчужденного знания тех или иных идей, но наполняется наслаждением бесконечно отрицающим любую остановку и омертвление мышлением.

Философия в своем отношении к тексту проникнута двумя, казалось бы, противоположными чувствами. С одной стороны, она почти не имеет надежды на приемлемое выражение мысли в словах, хотя и не может не пытаться сделать это: мало того, что мысль невозможно доверить слову, философия еще и мыслит невысказываемое, стремится «сказать то, чего собственно нельзя сказать» (В.В. Библихин). Отсюда постоянная неудовлетворенность философа написанным или высказанным словом, бесконечный поиск и придумывание иных слов. Но эта неудовлетворенность и недоверие слову есть не закабаление, но освобождение: философия не чувствует своей зависимости от текста (в том числе, от устоявшихся значений слов и иногда даже правил грамматики,

например — пунктуации), в большой степени свободна от него, и очевидным образом не привязана ни к какому жанру: для нее не столь важно, в какой вербальной форме выражена мысль — в вырванной из контекста фразе, в афоризме или в виде объемного трактата. И в дальнейшем высказывание может сохраниться в неполном виде, лишенное объяснений и доказательств, а может, наоборот, почти затеряться в потоке объяснений и доказательств — обе так выраженные идеи могут быть совершенно равноправны для мыслящего их. Это странное сочетание болезненного переживания несовершенства, неточности, неадекватности текста и отказа отождествить себя как мыслящего существа с этим текстом — с глубоким безразличием к жанру, объему, стилю философского произведения (а безразличие к нему определяется внешними самой философии вещами), это сочетание оказывается как вполне гармоничным и последовательным. так и напряженным. Его своеобразным осмыслением оборачивается идея философского эссе как выражения своеволия философии.

В своевольном жесте философа оживает множественное отрицание того, что не есть его *самое себя*: «философия не интеллектуальная деятельность», в которой есть правильное и неправильное, она «не для гуманитариев, уж конечно не для того, чтобы тешить развитую личность, не для lame ducks; она, в отличие от других занятий, вообще ничто или, вернее, хуже, чем ничто, если она не захваченность полнотой бытия, энергией». Эти слова В.В. Бибихина, сказанные о философии, перекликаются с тем, что говорит Лукач об эссе: «Ведь жизнь Сократа является типичной для формы эссе... Сократ всегда жил [в огне] последних вопросов, всякая иная жизненная действительность была для него столь же мало жизненно важной (*lebenshaft*), как и его вопросы — для обыкновенных людей. Понятия, в которые он вогнал всю жизнь целиком, он переживал с самой непосредственной витальной энергией». Мыслить последние вопросы, не имея возможности и желания стать в позу стороннего ученого-наблюдателя, при невозможности никакого завершения мысли («изнутри невозможно никакое завершение» — Г. Лукач), невозможности завершить труд познания-созидания-установления самого себя, — это дело философии оказывается неотличимым от того, с чем сталкивается эссеист Лукача, который «должен осмыслить и найти самого себя, должен строить *Свое из Своего*». Из своего опыта, из своего мира, из всего своего. Строить свое из своего не означает предельного сужения области выбора строительного материала, но, скорее, задание мира как своего и отказ от строительства себя из не-своего. Смысл этой идеи близок аристотелевскому «избирать в себе самого себя», — утверждать свою начальность миру, невыводимость из него. *Своё* никак не предметно, эмпирически не ограничено. Если понимать эссе как порождение и выражение того напряжения, которое существует между философской мыслью и текстом,

напряжения, в котором особой стороной выступает сам философ, и в то же время — как выстраивание «Своего из *Своего*» и бытие самим собой, то образ эссе становится притягательно неуловимым и, в то же время, всеохватывающим. Более того: так понимаемое эссе оборачивается той бесформенной формой, которая не просто необходима, но неустранима для философии, точно так же, как философия неустранима из нее. Любой подлинно философский текст может рассматриваться как эссе, а эссе — всегда оказывается философским: в этом слиянии осуществляется та особенность философской мысли, что она с необходимостью включает в себя самого мыслителя, всегда есть *его* мысль и его мысль *о самом себе*. В силу этого она никогда не рядоположена, но единственна. Евангельское «Я есмь путь, и истина и жизнь» явлено в философско-эссеистском взгляде, не случайно А. Жид допускает возможность вложить в уста Монтеня эти слова Христа. В силу этого любая философская идея, даже изложенная в предельно наукообразном, системно-подобном и всеохватывающем виде, остается тем, что Шестов называет афоризмом: никогда не закончена и не полна, подобно тому, как никогда не завершен образ, который человек видит в зеркале. Всегда случайна, как случаен его отраженный в зеркале взгляд. Но и всегда абсолютна в своей данности. Ее источник и поручитель — сам философ, он же — ее полноправный опровергатель.

Философия свободна от формы настолько же, насколько освобожден от нее разговор с самим собой. Когда речь идет о поиске самого себя, о своем бытии, никакие слова не могут быть уместны, ибо они вторичны по отношению к бытию: прежде чем сказать о бытии, надо быть и помыслить бытие. Все это позволяет понять, что для философского эссе сама его эссеистичность — это не форма, а выражение необремененности формой, освобождения от ее ограничений и требований. Эссе — это попытка схватить мысль прежде, чем вы дойдете до попытки выразить ее для других, объяснить, обосновать, доказать и этим умертвить. Это попытка схватить мысль, которая принадлежит пока только мне и которой для ее существования не нужны ни традиция, ни слушатели, но которой достаточен лишь я один как мыслящий ее. Эссе есть поиск философом и мыслью друг друга.

В эссе актуальный процесс мышления подвергает сомнению безусловный авторитет метода (об этом пишет Т. Адорно в «Эссе как форма»): «отвергая изначальные данности, эссе отказывается от каких-либо определений своих понятий». Начиная с самого сложного, а не простого, как требуют правила метода Декарта, в эссе мыслитель и не собирается достичь полноты и не претендует на это. В эссе мысль опережает форму, а если в нем есть некая игра формы, то это игра формы ради мысли, а не ради себя, именно от неопределенности и живости мысли, ее вечной незавершенности. Оттого эссе подобно

Протею (Bree) свободно меняет свою форму, а может вообще распасться и стать анти-эссе (у Р. Барта), оставаясь самим собой. Эта бесформенность обладает неодолимым могуществом: и тот, кто страстно развенчивает эссе, стремится разрушить его, не может не оставаться эссеистом (так, несмотря на разногласия в понимании эссе, остаются эссеистскими и немецкая и французская философия XX века).

Эссе внутренне свободно по отношению не только к форме, но и к познавательному рассмотрению, что заметно затрудняет такое рассмотрение его самого. То, что для философа не представляет проблемы, а именно — он мыслит со своего единственного места в мире и от своего имени — для литературоведов, исследователей жанра представляет сложность. Так, для них сложным оказывается совместить авторское намерение описать реальность и в то же время «навязать свой взгляд на нее» (Ж. Террасса). Но для философа «свой взгляд» и есть наиболее способный схватить реальность, которая есть его реальность. Собственно, его мышление и делает ее реальностью, иначе она не имела бы никакого определения. Литературоведы согласны, что объединяющим для «пьяного качания», неустойчивости мысли эссе, является сам автор. Но для них познание самого себя противоположно познанию мира, тогда как для философии легка мысль, что познание самого себя есть способ познания мира и что это есть некое единое постижение. Более того, познание самого себя невозможно при обращении взгляда на самого себя, но возможно лишь как взгляд с неопределимой, но абсолютной и единственной точки самого себя на мир, как взгляд того, кто берет ответственность за свои поступки (и действия и мышление) и мир, задаваемый ими. Познание самого себя так оборачивается не познанием, но заданием себя, способом бытия: тем, что Эмерсон называет «*essaying to be*». Познавательльно-понятийный взгляд на эссе оказывается тупиковым и уступает место своевольному, никакой понятийной строгостью не ограниченному философскому пониманию. Возможно, автор эссе и стремится к истине, но, по выражению Лукача, он подобен Савлу, который вышел из дома, чтобы разыскать ослиц своего отца, а нашел Царство Божие: так и «эссеист, в конце пути найдет цель, которой он не домогался, — жизнь» (Лукач). Единственность этой жизни для самих эссе означает, что «невозможно, чтобы два эссе противоречили друг другу: ведь каждое из них создает другой мир» (Лукач), в этом эссе неотличимо от философского учения как такового: причем, сколько бы это учение ни критиковало иные учения и не отменяло их, этим оно лишь утверждает их неустранимое сосуществование.

Конечно, об эссе как жанре пишут исследования, об эссе пишут эссе, но попытка определить его, похоже, оказывается неудачной и приводит к выводу, что «более или менее целостной концепции жанра эссе не существует по сей

день, воззрения на эссе крайне противоречивы» (Т.Ю. Лямзина). Многообразие содержания, форм и стилей текстов, объединенных названием «эссе» или так или иначе отнесенных к эссе (условно говоря, как к жанру), делает трудным его определение (вплоть до отрицания самого существования такого жанра) и приводит к решению, предложенному Чарльзом Уитмором в работе «Сфера эссе» (Ch. Whitmore. The Field of Essay). Он пытался найти нечто общее, присущее всем текстам, считающимся эссе, пытался опереться и на краткость, и на неформальность стиля, обнаружил родство с письмами (Сенеки, например), короткими трактатами и диалогами, связь с журналом или дневником (М. Божур (M. Beaujour) говорит еще и о риторике — практике школьного урока). Он пытался опереться на такую константу, как своего рода инверсия рассмотрения темы в эссе — когда берется нечто тривиальное или абсурдное и обсуждается необычным, причудливым, эксцентричным образом. Все его попытки оказываются неудачными, не получается найти общий формальный признак для всех текстов, называемых эссе. Эссе не объединены и содержательно — уже при первом появлении их в английской литературе под авторством самого Бэкона они обзывались «сборной солянкой» (grab bag — Ben Johnson), а переводчик «Опытов» Монтеня в предисловии 1603 года определяет их как собрание школьных тем. Следующий шаг Уитмора — идея о некоем сходстве самих авторов эссе, но на материале английской литературы он не обнаруживает подобного, не видит преемственности, школы и в итоге сдается перед таким выводом: наблюдающееся в нашей культуре свободное и облегченное использование понятия эссе не может быть отброшено ради задания некоторого определенного понятия, то есть под эссе можно и придется понимать все произведения, которым традиция дала это название. Стоит добавить — что дает она его разными способами и когда сам автор так называет свое произведение, и когда он не называет его эссе, но мыслит в этом ряду, и когда читатель или критик считает его таковым.

Если обратиться к философским эссе, отнеся к ним эссе, написанные философами, и эссе, в которых автор поднимается до философии по собственному представлению, и те, которые читатель видит как философские (из тех, которые автор называет эссе или может помыслить как эссе, и тех, которые относятся к эссе читателем и традицией чтения), то среди них мы увидим и краткие рассуждения (как у Монтеня, Бэкона и Юма) и наукообразные трактаты (как, например, эссе Адама Смита или Джона Локка), и предисловия к написанным и ненаписанным книгам: (как, например, «Эссе на эстетические темы в форме предисловия» Ортеги-и-Гассета Х. или «Гомеровское соревнование», предисловие к ненаписанной книге Ф. Ницше), и письма Сенеки (а именно его Бэкон видит эссеистом) и Лукача (его письмо к Лео Попперу о сущности